Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣсяцѣ 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбирается въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіяньского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕНЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 3. Львовъ, 12. Сѣчня 1856. РОКЪ IX.

ВЕРБА И ТОПОЛЯ.

Вербина смотритъ на красну тополю,
„Тополя высша отъ неи рослѣйша:
„Охъ! щожь почну я, про мою злу долю;
„Чому я въ свѣтѣ не есмь подобнѣйша?
„Я ровна съ грибомъ, а ты такъ высока,
„Я неприбачна, ты прелесть для ока?
„О Боже мой, Боже! нащомь сотворена
„Такъ неподобна, со всемъ понижена?
„Лучше для мене не жити булобы,
„Нежь такъ скуднои достати подобы!
Въ томъ стали дути вѣтры якъ скажены,
Сносити хмары дожчемъ наполнены.
Солнце погасло а небось затмило, —
Сунеся потьма якъ ночь, якъ страшило.
Въ ней кипятъ громы, тлѣютъ лискавицы.
Стихло, порхнули лякливо вѣѣ птицы;
И всему отдыхъ стисненый во груди.
А зъ чорной плахты гнеть молнась добуде,
Лисне — розоллесь въ свѣтло несвѣдоме —
И роитъ ся перунъ, и сыплютъ ся громы.
И лускотъ розлягъ ся страшенный по полю, —
Перунъ ударилъ въ высоку тополю.
Простерлась у пниска низкои вербины
И стала низеньковъ, низшовъ отъ билины;
Закимъ звалилась, озвалась къ вербинѣ:
Тѣшь ся! учися розуму на мнѣ!... Е. Згарскій.

ГДЕ НЕЩО СЪ ЗАПИСОКЪ ВТОРОГО ПУТЕШЕСТВІЯ ЗЪ РИМА ВЪ ЕРУСАЛИМЪ.

Продолженіе.

Семьдесять лѣтъ плакалъ народъ жидовскій въ своей лихой долѣ, та за своею землею, и за святою церковію, ажь оумилосердившомуся Богу, царь перскій Киръ, владѣвши Вавилономъ, пустилъ на свободу несчастный народъ, тай дозволилъ ему возобновити городъ и церковь. Зоровавель, начальствующій вернувшимъ ся жидамъ, а послѣ него Ездра и Негемія, трудилися созданіемъ церкви и мѣста.

Алеѯандръ великій, царь Македонскій, въ военномъ заборчомъ своемъ походѣ посѣтилъ Ерусалимъ принесъ жертвы истинному Богу. Роздѣлившомуся ся царству пространному Алеѯандра по его смерти, Ерусалимъ досталъ ся подъ власть Птоломеевъ Египтскихъ. Антіохій великій, владѣчествуючій Сиріею, отнялъ его у Египтіянъ, и послѣ вернулъ Птоломееви Евергетѣ! Антіохій Епифаній также царь Сирійскій занялъ сновь Ерусалимъ, и придалъ лупежи, тай дерзнулъ осквернити святую церковь: поставилъ въ ней балвана Юпитера Олимпійского. Но коли началъ всюда вводити язычество, и принуждати до него жидовъ, Макавеи, преславны вытязи, воздвигнувшись вызвольчили свободу своему народови; тай хоробро боронили его супротивъ царямъ Азійскимъ.

Аристовулъ и Гирканъ, зъ рода Макавеевъ, стязавшіися о царскую власть, призвали помощи Римлянъ, оуже тогда черезъ смерть Митридата овладѣвшихъ Азіею, занялъ мѣсто, овладѣлъ и взялъ

церковь, но нїѧкого поврежденїѧ въ ней сдѣлати недопȣстилсѧ. Недолго послѣ Крассȣсъ, инный вождь римскїй, злȣпилъ свѧтый храмъ. Въ слѣдство сей брани, Гирканъ остоялсѧ на первосвѧщенствѣ, но недолго, бо Антигонесъ, сынъ отроенного Помпеѧнами Аристовола, призвалъ Партовъ, и заналъ Ерȣсалимъ. Плѣненого же Гиркана, Парты забрали съ собою. Ползȣючисѧ сими мѧтежами, Иродъ прозваный великимъ, сынъ Антипатра, знакомого оурѧдника двора Гиркана, съ помочею Римлѧнъ, заграбилъ царство Юдейское, и въ плѣнъ взѧтого Антигона выдалъ Римлѧнамъ. Послѣдный сей потомокъ Маккавеевъ, законный царь Ерȣсалима, повелѣнїемъ римского царѧ, бȣлъ ѧкъ престȣпникъ привѧзаный до столпа, оубїенъ розгами, и приданый смерти.

За царства сего Ирода, народилсѧ въ Ведлеемѣ Господь и спаситель нашъ Їисȣсъ Христосъ, коли по пророчествамъ жезлъ царскїй, вийшолъ изъ рȣкъ поколѣнѧ Юды. Преемникъ и наслѣдникъ Ирода бȣлъ сынъ его Архелай. Дрȣгомȣ же сынови его именемъ Иродови Антипасови, досталасѧ державою Галилеѧ и Пера. Сей послѣдный повелѣлъ оутѧти головȣ свѧтомȣ Иванови предтечи, и отослалъ приведенного Їисȣса до Пилата. Агриппа, внȣкъ Ирода великого, полȣчилъ царство Юдейское, а по Его смерти Римлѧне совокȣпили тое до своего вселенского царства. Жидамъ казалосѧ сее иго нездержимое, то покȣсилисѧ звергнȣти оное; но Титȣсъ вождь, а послѣ царь римскїй, обсадилъ Ерȣсалимъ, и взѧлъ его приступомъ. Въ цѣлой исторїи свѣта, нема завзѧтѣйшой и страшнѣйшой, надъ сею брань. Рȣка гнѣва божого, ѩвно протѧгласѧ надъ престȣпнымъ мѣстомъ, и народомъ отвергшимсѧ, и придавшимъ смерти пришедшого спасти ихъ Бога человѣка. И не осталсѧ тамъ по предреченїю Спасителѧ камень на камени. Поважны приданїѧ свѣдительствȣютъ, що въ времѧ обсады 200000 жидовъ погибло голодомъ, а одными лише воротами вынесли 115890 трȣповъ. Обсажены кормилисѧ травою и гноемъ, та до того пришло, що одна матерь съѣла свою собственнȣ дитинȣ. Числѧтъ 100000 жидовъ погибшихъ въ Ерȣсалимѣ а 238460 въ предѣлахъ Юдеи, и то самыхъ мȣжей кромъ женъ, дѣтей, и старцевъ, оумершихъ голодомъ або оубитыхъ мечемъ. Останокъ 99200 плѣнныхъ, частїю придали насильнымъ роботамъ, частїю сохоронили на трїȣмфъ Титȣса, и послѣ, на страшнȣю забавȣ Римлѧнамъ, принȣждаючи ихъ битисѧ до смерти на циркахъ. Жены и дѣти продавали по торгахъ; 30 ихъ давали за одинъ сребренникъ. Кровь праведного, каже Шатобрїанъ въ своемъ пȣтешествїю, продали за 30 сребренниковъ, въ Ерȣсалимѣ, и народъ восликалъ: „Кровь его на насъ, и на наши дѣты:“ та Богъ внѧлъ голосъ желанѧ жидовъ, послѣденъ разъ вȣшилъ моленїю ихъ, тай отвернȣлъ отъ земли обѣщаной лице свое, и новый народъ выбралъ собѣ! Тридесѧть осмь лѣтъ по смерти спасителѧ, спалена бȣла церковь, и многое число тыхъ, которы слышали пророчество, могли бачити его совершенїе. (П. с.)

О Ȣскокахъ въ Сегнїи.

Изъ Велїи оудалисьмы сѧ къ побережїю, городокъ Сегнїѧ повиталъ насъ найперше. По надъ городокъ возносѧтсѧ велики горы, слывȣтъ Вратникомъ. Ланцъ тыхъ горъ, бȣлъ отвѣчною тамою адрїат-

скомȣ морю, во времѧ первовѣчного потопȣ. Самъ городокъ невеличкїй, та не дȣже заселенъ, але горожане достойны Ȣсковъ внȣки, любȣютъ въ своемъ сердцѣ ихъ славȣ, — отвагȣ. — Дѣды ихъ Ȣскоки, бȣли панами всего Адрїатикȣ; Венецїѧ, тогда така крѣпка, тремтѣла передъ ними; въ частыхъ, а смѣлыхъ походахъ, заганѧлисѧ ажь до Фрїавлȣ. По церквахъ ихъ видѣлъ ꙗ ще надмогилники, они отдыхаютъ дȣхомъ ратнымъ, ꙗкимъ минȣлыи лицари наполнѧлисѧ. Всегда оузришь вырыты полгрȣдїѧ, въ одной рȣцѣ гола шаблѧ, въ дрȣгой голова побѣдженого ворога; хотѧй рѣзьба не доконана, однако знамѧ смѣлости ꙗсно отдане; угорнымъ глипомъ своимъ майбы грозатъ смѣломȣ, що по нихъ стȣпае. Знидѣла ихъ заможность и погроза ꙗкъ всегда, где саме орȣжїе ключемъ и счастьемъ; слава ихъ чиновъ спасла лишь ихъ имѧ зъ рȣкъ непамѧти, а оумѣстила по межь козаковъ грозѧчихъ Царьгородови, свѣтъ Татаровъ подбиваючихъ; Венетовъ противившихъ сѧ въ сей Європѣ; — и слѣдȣ нема заможности Сегнїи. Спомню лишь о славномъ ихъ подбитїю Лѣки, та Отахȣ, безъ всей помочи, за що отъ королей оугорскихъ, та отъ царей многїи свободы полȣчили. Отъ времени царѧ Їосифа II, не отбȣли оуже нїѧкого походȣ самы черезъ себе, однако ихъ бодрость плыве вразъ съ кровлевь въ ихъ жилахъ. Нема примѣрȣ, що бы оу нихъ хата поломѣневь згорѣла; въ сей часъ бѣжȣтъ всѣ гасити, а се такожь и жены; не є то ничь необыкновенного, видѣти Сегнїѧнина съ ножемъ въ зȣбахъ, рȣками огонь приголомлѧючого, та по дахȣ поломѣневь обнѧтомъ розшибаючого сѧ.

Сегнїѧне сȣть такожь Словѧне, носѧтъ все при собѣ орȣжїе, одежь маютъ подобнȣ до загальной Хорвацкой, люблѧтъ спѣвати, а ихъ напѣвъ, хотѧй не такїй ꙗкъ велїѧнскїй, однако не мае въ собѣ дикости Морлѧцкого спѣвȣ.

ИЗЪ ЖИТЯ МОРЛЯХОВЪ.

Найбольша честь длѧ гостѧ.

По долгой вечерницѣ оуснȣлисьмы, ажь взѧло свитати. Напрѧсно оубȣдилъ насъ громкїй выстрѣлъ, та пригадалъ намъ, що оуже часъ въ дальшȣ дорогȣ пȣскатись. Сли Морлѧхи гостеви хотѧтъ найбольшȣ честь отдати, то го такъ, ꙗкбы оу насъ домовъ пробȣджаютъ. Напослѣдъ выѣхалисьмы, а къ оусовершенїю нашого оугощенѧ, выпроважала насъ толпа Морлѧховъ збройныхъ та свѧточно прибраныхъ, передъ нами спѣваючи, та подскакȣючи.

ВЕЧЕРА Ȣ БОГАТОГО МОРЛѦХА.

Мала оуже бȣти девѧта въ вечерь, ꙗкъ мы до села прибȣли; оуже на насъ ждали. Газда и всѣ человѣки изъ родины вышли намъ на встрѣчь, и оувели насъ до свѣтлицы; всю хатȣ лишила намъ добра Морлѧцка родина, столъ застеленый стоѧлъ оуже середъ хаты, а жены ще всѣ коло припечка оувивалисѧ. Розгостились мысѧ, ꙗли запознаватисѧ, ажь тȣтъ и двери отчинѧютсѧ — вносѧтъ на доскахъ два съ всемъ оупеченыи бараны, и много дробины. Теперъ ажь запозналъ насъ гостинный газда изъ женами, впередъ вказалъ на женкȣ мовлѧчи: простѣтъ, то моѧ жена; а потомъ на дочь: простѣтъ, се моѧ дочерь. Немогъ ꙗ на разȣ понѧти, чомȣ перепрашае мене, тымъ больше, же дочка бȣла хороша, и дȣже красна дѣва: познѣйше довѣдалъ ꙗ сѧ, же оу Мор-

лѧховъ оуже така оустанова.

Ꙗкъ оужесьмы мали засѣдати за столъ войшла невѣста господарѧ, ꙗкъ цвѣточокъ въ Маю, така красненька, така гарненька, всѧ пристроена збыткомъ морлѧцкимъ. Ферезѧ на ней кроемъ и баркою со всемъ ꙗкъ краковска, завшницы велики хиталисѧ поколи, монисто на лебедистой шїи изъ всѧкихъ свѣтлѧчокъ скланныхъ, а обрȣчка та жемчȣгъ при томъ позолочены, ходачата на дробненькой ножцѣ хорошо шноровкою шиты, въ рȣцѣ держала скипкȣ, що невъ мала намъ при вечерѣ свѣтити. Добре вино борзо розлѧло веселость по межи гостами, всѣ пилисьмы по словацкȣ изъ одной чаши; при заедно выкликованомъ добромъ здоровлю крȣгомъ насъ обходила. Весь тотъ часъ выбиралъ газда найлѣпши кȣсники печени, и подалъ намъ ихъ на коньчикȣ ножа заедно промавлѧючи: молимъ васъ господине. Єго красна невѣстка неналежала съ всемъ къ нашой веселости; съ окомъ встремленымъ въ землю стоѧло бѣднатко, а скипка поти горѣла въ ей пальчинатахъ, поколь до одробинки не зтлѣла; совершенство невѣстки залежитъ во оу нихъ отъ того, щобы запаленȣ скипкȣ, которою батькови кождого днѧ до вечеры свѣтитъ, ажь до послѣдной дробинки держала. Тогда ей всѣ свои желанїѧ складаютъ, и вѣщаютъ, же бȣде доброю газдинею. Надармо просилисьмы ею, жебы съ нами оусѣла, та забаклѧласѧ.

Спѣвы Морлѧховъ почали взмагатисѧ та оживлѧли веселость, межи иными незабȣдȣ такожь дȣмȣ про королевича Марка, которȣ при всѧкомъ слȣчаю спѣваютъ. До позной ночи оугощалисьмысѧ. Ꙗкъ порозходилисѧ, немоглисьмы про темнотȣ вещей понаходити, ни записки починати, ажь знову надходитъ молодица изъ скипками, що насъ о великой довѣренности нашихъ господарей приконало. Постелила намъ колькома вазанками сѣна, записки борзо покончилисьмы и щобъ не вмȣчити нашого хорошого, а невинного свѣщника попращалисьмы ею съ оупоминкомъ, которого не хотѣла безъ призволенїѧ отца принѧти. (д. с)

КАРТѦРЬ

образецъ зъ житѧ городского.

(Продолженїе)

До окола обохъ товаришей, сновалисѧ цѣкавыи паничики, то закладали кȣкеръ на око, и май вы розгадȣючи присмотрювали сѧ веселомȣ, многообразномȣ житю въ мѣстѣ, то и орлѧчимъ глипомъ метали възадъ и въпередъ себе, скоро лишь навинȣласѧ где ꙗка хороша красавица.

Корнилїй обозрѣлъ сѧ, а не желаючи, щобы не прошены бȣли оучастниками его розмовы, подойшли дальше, и прибачивши самотне мѣстце, оусѣли на одной лавцѣ. Перейшло парȣ хвиль въ молчанїю: Корнилїй ꙗкъ бы обавлѧлъ сѧ начати; оутопивши глипъ въ Стȣлскомъ, ждалъ чи не закине онъ самъ о томъ, що его по сей часъ такъ дȣже займало. Черты на лицѣ Стȣлского бȣли спокойны, холодны, ꙗкъ бы тѣсными правилами воли означены такъ, же спознати можь бȣло ꙗвно, ꙗкъ прозорный дȣхъ завладѣлъ нимъ.

— И щоже ты всмотрѣлъ сѧ въ миннѣ, ꙗкъ бы въ подобѣ своей царицы? не бой сѧ! такъ до тебе прилипла моѧ репакъ до кожȣшины, промовилъ Стȣлскїй спогланȣвши въ очи первомȣ.

— Чи бȣлъ есь оу Малчинскихъ?

— Ахъ! мкъ тожь не малъ вымъ бути? Панна Розалія розцвитаеса мовъ пѣвонія въ городци Розсадnецкого, панъ Мальчиньскій заедно погладуе кадовбецъ свой, а всѣ мовь надъвоздушного мвлена тебе ожидають.

— Ты жартуешь, скрикнулъ недоволенъ Корнелій.

— Отъ тамъ до десать безъ адута! волю три рази на девать каро оупасти, нижь разъ неправду вповѣсти, отказалъ вторый съ повагою.

— Ну и що же!

— Несподѣваны рѣчи! Паннѣ Розаліи прехорошо тлоса въ твоемъ дарунку, а панъ Мальчиньскій? — панъ Мальчиньскій, тожь мкъ бы сполна влюбилъса самъ въ тобѣ, 500 золотыхъ риньскихъ возамѣрае повѣрити на твои руки, чи чуешь?

— Мкъ то! радостно попыталъ молодикъ схопившись зъ лавки.

— Ну мкъ то! мкъ то? слухай до десать безъ адута! панъ Мальчиньскій отъѣжае завтра на свои фольварки; чи тамъ лихо економовъ съ шипихлирами роздвонило, чи тамъ старый Кашубѣньскій надеръ сала на паньску скору — незнаю; досить, Мальчиньскій отъѣде, а же чортъ запуталъ его съ твоимъ адвокатомъ, тожь и на третого ему 500, слухай! 500 золотыхъ риньскихъ доручити мае; а же самъ не зможе на твои руки, чи чуешь?

— Се диво! пать сотъ золотыхъ риньскихъ на мои руки?

— А такъ! такъ! патьсотъ золотыхъ риньскихъ мкъ оденъ шелюгъ. Що за нечувана довѣренность на часы теперѣшны?

— Тожь м зверхъ моеи надіи возму хорошу, богату жену, и здѣлаюса первымъ Адвокатомъ въ Львовѣ, правилъ полный солодкихъ надій Корнелій.

— Ахъ! ахъ! теперъ ажь отворили са небеса тобѣ Корнелій. Що то за прехорошіи мыслы! жена така, мку лишь читаючи любашки обдумати могъ есь; а кто сему надалъ ладу такого?

— Ты мой любый Антоній! отповѣлъ скоро первый оустискаючи и обоймаючи грача сухорлавого.

Сту́лскій, мкъ бы со всемъ довольный съ щаста товариша своего, договорувалъ мкъ найнадобнѣйшими словами. Сходилизъ шкарповъ. Въ мѣстцѣ зрѣднѣло, клекотъ и гаморъ о крихту поменшилъ са, бож и оударила перша година, а съ нею по найбольшой части, надойшла и пора полуденкова. На послѣдныхъ шкарпахъ заѣкъ на валову оулицу сходитса; стрѣтили оба нашіи товариши мкогось молодого, красно прибраного человѣка. Молодикъ мкъ видко зналъ Корнелього, бо и скинувши на него, прибѣгъ мкъ бы щось необыкновенного малъ вповѣсти. Корнелій подойшолъ на бокъ.

— Терехтарскій! чи не научилъ тебе ще Стульскій розуму? спросилъ молодый сошкольникъ его, человѣкъ честный и дбалый.

Корнелій не отказавши на тое ни слова, отвернулъ са плечима, и тѣшись за подбоки, пойшли оба съ Стульскимъ.

— Мы разомъ будемъ полудновали нынѣ, озвалъ са Корнелій

— Нынѣ? не могу, вѣрь менѣ не могу!

— Тожь и розойдемса.

— Пращай! по шестой годинѣ пойдешь до Мальчиньскихъ, не охибно по шестой годинѣ.

— По шестой годинѣ? хорошо мой друже! въ вечеръ обачимъса оба дома. Корнелій посвистуючи подалъ са въ ринокъ, а Стулскій оусмѣхаючись, и розкладаючи руками, къ низъ галицкои оулицы.

III.

Въ Львовѣ май чи не въ кождомъ домȣ, где лишь вывѣшено написъ, либо кȣсень сосны, достати можь кромъ напоевъ низшого рода, такожь и стравы по мѣрной токмѣ (цѣнѣ); алежь и помѣрномъ та не со всемъ харномъ розкладѣ. Такіи то зовимы побочны гостинницы, посѣщаютъ люди, по великой части практичного родȣ: тамъ розличны розмовы, сварки, соперечки, где кȣда оучено, но по большой части просто зъ моста; розличны здогадки, дотепы, жарты, а часто просты не честны розговоры: тамъ то ш:кола, тамъ помѧвы, образованымъ вкȣсомъ не оуложены въ красочіи формы. Идȣчи галицкою оулицею, надыблешь такожь однȣ зъ поманȣтыхъ гостинницъ. Червоны зависки покрываютъ полъскляны двери, а отхилишь ихъ, тожь и звонокъ зазкенитъ сей часъ. Вступаемъ къ первȣ свѣтлицȣ, не помала, но и не велика. По правой рȣцѣ, то пристолъ живота, посвѧщенъ изключной оудогодѣ длѧ черева и рота. Одинъ конецъ того черевослȣжебника, заставленъ бȣлъ флѧшками со шȣмовкою розличного родȣ, та и чашками, горлевымъ свойствамъ со всемъ сорозмѣрны.ин. На самой серединѣ, ꙗкъ цвѣтъ и окраса всего снарѧдȣ, чȣбатѣли три сп.ры полȣмиски, навершены свининою, колбасами, и доброю вȣженою шпиркою. Съ ношеною шапкою на головѣ, въ выхоженой чорной сȣрдȣтинѣ, сивавыхъ шаравархъ, пасковатой камизелцѣ, съ хȣсткою жолтои барвы на шіи; прохажалсѧ съ холодновь кровію господарь, съ повагою, ꙗкȣ лишь кȣсень крейды въ рȣкахъ, и люлька на короткомъ цыбȣсѣ могли надати. Коротке, а сиве колосье заледвы же показȣвало сѧ невеличкими космиками, зъ подъ дѣжковатои шапки.

Въ цѣлой сей свѣтлицѣ не больше ꙗкъ три столы, лавками и креслами засажены. При одномъ столѣ сидѣло четырохъ столовниковъ, людей розличного чинȣ и строю; скончили ꙗкъ видко полȣденокъ, бо и передъ кождымъ зъ нихъ стоѧла склѧнка пива: розговоровали сѧ, та гȣстыми клȣбами розходило сѧ школѧрске кадило зъ цигара и зъ люльки. Одинъ зъ помежи нихъ, ꙗвно займалсѧ ꙗкоюсь писаниновь, божь перечитавши однȣ нѣмецкȣ часопись, почалъ высоко и глȣбоко розправлѧти, попиваючи заедно зъ квартовой склѧнки. До где котрыхъ мнѣній, и честный самъ панъ господарь, щобъ не оуходити за въ темнотѣ пикничной лише градȣщого, вторкалъ свой носъ, потакȣючи, либо докладаючи щось свого.

Въ простъ зъ поманȣтой свѣтлицы входитъ сѧ до дрȣгой, невеличкой мракою отѣненой комнатки. до которой лишь зъ першой свѣтлицы скрозь невеликій протворъ входило свѣтло божой днины. При одномъ столикȣ сидѣли три панкове, не однакого вѣкȣ, но всѣ три май однако, а досыть надобно пристроены. Отъ що лишь спожили юшкȣ, и ꙗкъ бы ожидали ще одного товарища, не терпливо спозирали, скоро лишь звонокъ далъ чȣткȣ о входѣ нового гостѧ. Небавкомъ откорили сѧ двери отъ сѣней, не отъ дороги, а въ помрачнȣю комнаткȣ, вступилъ межи трохъ ожидаючихъ сȣхорлѧвый Стȣлскій. (П. с.)

ЛИТЕРАТУРНЫ ИЗВѢСТІѦ.

Славный ческословенскій писатель Людевитъ Штуръ умеръ въ Модрѣ, дня 12. Сѣчня т. г. Честь, слава, вѣчная память ему у всѣхъ Словяновъ. Въ хорватскомъ повременномъ писательствѣ, зайшли где не котры змѣны. Свѣдомый писатель Дтр' Демететъ, принялъ Редакцію народныхъ Новинъ. Въ Вѣдни оступилъ св. Іосифъ Тор-

баръ отъ Редакціи Листу Католицкого, ею же обнялъ св. Микуляшь Хорватъ, професоръ богословія.

Хорватскій забавный поучительный тыждневникъ „Невенъ'' отбувшій чотыре рочники въ своемъ литератскомъ существованю; перемѣненъ буде отъ теперь въ забавно поучительный мѣсячникъ. Нынѣшный Редакторъ достосвѣдомый госп. Проусъ, обѣтуе при содѣйствію ученыхъ родимцевъ, много занимательныхъ вещей; повѣстей, характеристикъ, поезій, историчныхъ очерковъ и. пр.

Матица хорватска, постановила нагороду 4 дукатовъ за найлучшу балладу, котра намѣщена бути мае въ Невенѣ, подъ заглавіемъ: Кровавый мостъ; предметъ ей историчный зъ року 1334.–

Съ сочиненій Лелевеля: „Polska, dzieje i rzeczy jej rozpatrywane'' выйшла 4 часть въ Познаню.

Господинъ Маврицій Оргелбрандъ въ Вилнѣ возмѣряе выдати, польскій словарь, который обоймалъ бы всѣ изреченія поточны, и письмены. (Люмиръ)

* Въ книгарнѣ, Г. В. Калленбаха въ Львовѣ набутти можь слѣдуючихъ новыхъ сочиненій:

Стефана Хрыстовского способъ оздоровленя въ найважнѣйшихъ епидемичныхъ хоробахъ, существуючихъ межи дѣтьми, для употребленя сельскихъ жителей. Кіевъ 1855. 54 кр.

* Цѣлебникъ гомеопатично домашній, переложеный съ сочинній цѣлебниковъ Генринґа, Гетмана ы Шепмела отъ І. П. Кіевъ 1854, 1 злр.

* Отто, св. Л. Отче нашъ. Девять проповѣдей, Варшава 1856 1 злр.

* По межи инными можь такожь набути новѣйши утворы уталантованого польского Поеты Владыслава Сырокомли.

НАРОДНА ГУМОРИСТИКА.

ДИВНА ХОРОБА.

Сынъ занедугъ, дали ему на лѣкъ.

— Мамо! мене зболѣлъ вже правый бокъ.
— Ну! то оберни ся на лѣвый.
— Коли бо на лѣвомъ чиракъ.
— То положи ся и на взнакъ
— Я бо лежати такъ не звыкъ.
— То подстели собѣ языкъ,
Коли и кожухъ ти потвердый! —
Навтямилась хороба сыну;
Отъ загорнулся въ петачину,
Взялъ гнеть за цѣпъ —
И нужь на снопъ:
Якъ молоти, такъ молоти,
Нескривился а ни крихты:
А такъ лѣнивому неробѣ
Лучше въ роботѣ, нежь въ хоробѣ.

Ивась далъ на акафистъ панотцу, до святого Николая. Въ церквѣ були два пристолы св. Николая, одинъ старый, а другій новый. Панотецъ стали правити передъ новымъ. — „Панотче! спросилъ Ивась: я бымъ просилъ передъ тамтымъ Николаемъ, тамтой поважнѣйшій''

*Кажутъ люди: Гуцулъ не ногами, а вѣтрами горы свои перелетае — Правда! когда тверезій. На тое торгъ въ Коссовѣ, той столицы Гуцуловъ, посвѣдчити може. Два товариши поорудовавши въ мѣстѣ выбрались домовь, но къ несчастію въ самой дорозѣ розболѣлись, що только у нихъ значитъ якъ були пьяны, такъ бо передъ панотецъ своимъ головный порокъ народа нашого „пьянство'' очень розумно слабостею называютъ. — Перва заразъ гора за мостомъ Коссовскимъ отобрала ровновагу одному изъ тыхъ Гуцуловъ, та повалила о землю. Другій державсь еще о своей силѣ, помиловалъ брата; и взявши го за руки майже отчаяннымъ голосомъ отозвался: „Иване та крѣпися!? Но въ той хвилѣ лежали уже оба на землѣ. Такъ то добра рада на свѣтѣ выплачуе ся!? Но оба тьи Гуцулы суть за тое нерозлучными доселѣ пріятелями.

Никола Гуцулъ.

ВСЯЧИНА.

*На новый рокъ отправило ся красно и торжественно набоженство въ церквѣ С. Онуфрея у ОО. Василіяновъ въ Львовѣ, яко въ день найбольшого праздника т. е. въ память основателя того въ нашомъ краю славного чина, С. Василія Великого; господинъ проф. Іаковъ Цѣпановскій целебровалъ, а Госп. проф. Францъ Костикъ проповѣдалъ, але таку красну проповѣдь малъ, якой дуже давно не чувалисьмы.

* Сего року отправило ся набоженство Іорданское въ катедрѣ лат. об., а то для того, бо церковь городска Волоска названа, внутръ малюе ся. При той случайности сказати мушу, же питомцы руского сѣменища, сего року при на-

боженьствѣ такъ красно и учено спѣвали, же и члены хору Оперы голосно ихъ выхваляли.

* О промысловой паризкой выставѣ, розповѣдаютъ слѣдующе: Цѣсаръ Наполеонъ задержалъ ся въ одинъ часъ передъ выставою порцеляны, розсмотруючись по мискахъ, на которыхъ мальованы були портреты то его, то старого Наполеона. Спросилъ о токму одныхъ, и другихъ. Дивно учинилося ему, якъ учулъ, що полумисокъ съ портретомъ стрыя по 40 франковъ, съ портретомъ его же по 5 франковъ.

— И чомужь такое розличіе? запыталъ Наполеонъ.

— Бо тамтой булъ въ огни! отповѣлъ Купецъ.

* Архива переховали намъ слѣдующе зъ часовъ войны французкой:

Я нижайше подписаный; дневникаръ и редакторъ письма Mercure universell, въ Регенсбургу, сознаю нынѣшно, яко заслуженымъ способомъ досталъ емь 50 бучковъ, за тое, же въ числахъ дневника мого зъ дня 1 и 17 Грудня, Французовъ обрехалъ и очернилъ. На доказъ сего подписую ся.

Паоли.

Отъ Бескида. Вѣсть о возникающой новой часописи, а то духовной, воспрінялисмы съ неисповѣдимымъ восхищеніемъ и истинною радостію духовною. Нѣтбо такъ важнихъ залежитостей, якъ суть дѣла церковныи. Здѣсь совокупляеся нашь гараздъ и нашое горе. Воздвиженіе исповѣданія, воспитаніе дѣтей, воспомоществованіе вдовицъ и сиротъ нашихъ, которыхъ число въ послѣдномъ времени Господь такъ побольшити благоволилъ, подкрѣпленіе фондовъ духовныхъ, возобновленіе и сооруженіе храмовъ, суть то дѣла найбольшой важности, которыи всякого попеченія и посвященія всѣхъ силъ нашихъ требуютъ. Предпринятіе оное бл. Г. Раковского, уважаемъ прото за дѣло вдухновленое, котороє по всѣмъ сторонамъ найискреннѣйшій отголосъ найде. Додаемъ только и тое, що такъ много начатыхъ храмовъ у насъ воздухомъ и слотою разоряются, що въ многихъ мѣстахъ едва слѣды еще находятся разрушившихъся или погорѣвшихъ церквей, же въ Львовѣ по извѣщенію временописей) одна церковь украшае ся, а друга созиданія ожидае. И много намъ неизвѣстныхъ тысячныхъ дѣлъ далобы ся усовершити по средствамъ дѣйствованія церковной временописи. Про тое благословимъ оное предпринятіе, и желаемъ всякого благополучія. Богъ да поспѣшествуе ему. И.

Отъ Редакціи

Всемильшіи соотечественники! подняльисмы великіи кошта издаваньемъ Зори Галицкои, въ крѣпкой надѣи, же благожелаюче намъ число народолюбцевъ, недасть усиліямъ нашимъ запропасти, та соучастіемъ своимъ насъ засиляти и покрѣпляти буде. Не погасае намъ надѣя наша. Потѣшаютъ насъ благосклонны дописи; тожь мы искреннымъ дописивателямъ нашимъ завдячаемъ ихъ печаливость и ревность къ рускому слову. Но, понеже доселѣ намъ не извѣстно, якъ великими средствами предпринятіе наше подпиране буде, щобы мы сорозмѣрно тымъ средствамъ зъ нашой стороны сасохтовати моглися: то упрашаемъ вс. господиновъ, желаючихъ получати нашу часопись, о ласкаву, якъ найскоршу присилку предплатъ, по прежному оголошеню. Надѣемъ ся, же при достаточномъ числѣ предплатителей, можь буде побольшити обіемъ доселѣ невеличкій; а такъ здѣлати отповѣднѣйшою важнѣйшимъ общественнымъ потребамъ часопись нашу. Искреннымъ желаньемъ нашимъ булобы, щобы часопись наша войшла въ народъ, що и безъ многихъ перепонъ совершитися моглобы. По многихъ селахъ, городкахъ, заведены суть школки тривіалны; не потяжко припалобы на громаду, сложитись на не велику предплату, щобы кожда школка имѣла по одному ексемпляру существуючихъ рускихъ часописей для себе, въ поученье молодежи, и моральне получшенье старыхъ, гайнуючихъ злишный часъ, по корчмахъ пиятикою.

Львовскій курсъ.

Голендерскій дукатъ . . .	5	злр	—	6 кр.
Цѣсарскій „ . . .	5	„	—	7 „
Полъимперіалъ росс. . . .	8	„	—	46 „
Сребрный рубель росс. . .	1	„	—	42 „
Прускій таляръ . . .	1	„	—	36 „
Заставны листи галицкіи по 100 злр.	88	„	—	20 „
Индемнизаційныи облигаціи .	73	„	—	50 „
5 проц. пожичка народна .	83	„	—	36 „

Тѵпомъ Института Ставропігіяньского. Редакторъ Николай Савчиньскій.